

В Герценовском госпитале

...Факультет за факультетом освобождали свои аудитории для госпиталя. Институт "самоуплотнялся". Аудитории превращались в перевязочные, душевые, рентгеновские кабинеты. Мы оборудовали помещения, носили раненых. Никто из нас раньше и не подозревал, что можно так много работать. Машины с ранеными прибывали одна за другой.

Перед нами стояла совершенно четкая задача: помочь командованию наладить работу отделений, организовать быт, навести уют в палатах и коридорах...

...Наш киномеханик Толя Стрюков со своей помощницей Ниной

Грудиной припрорвался давать здесь киносеансы. Раненые смотрели самые различные фильмы - от "Большого вальса" до "Ленинграда в борьбе".

...Мы начали выпускать литературный журнал госпиталя "За Родину". В журналах печатались статьи о медицине, написанные врачами, раненые помещали воспоминания о боях. В журналах можно

было прочитать и о наших лучших людях, увидеть их портреты. И раненые, и обслуживающий персонал записывались в очередь, чтобы прочитать эти журналы. К сожалению, мы не могли выпускать свой рукописный журнал большим тиражом: он выходил в трех экземплярах.

...Вера Тимофеева и студентки Нина Зубарева и Нина Левенцова организовали в отделении госпиталя 11 библиотечных пунктов, через которые проходило ежедневно около 1000 книг.

...Поздним вечером 31 декабря 1941 года мы стояли в очереди за ужином. Было почти темно. Одна самодельная копилка тускло освещала столовую. Час ужина прошел, но в госпитальных котлах было пусто, и никто не знал, когда привезут продукты, да и привезут ли вообще. Очень хотелось есть. Обычно, получив ужин, мы с наслаждением уничтожали свои 100 грамм "баланды" - ржаную муку, растворенную в соленом кипятке без масла. В тот вечер не было и "баланды". Все стояли с полулитровыми банками в руках, молчаливые и безразличные. Наконец к полуночи пришла машина с ржаной мукой. Мы решили петь до тех

(Продолжение на стр.3)

На снимке: уборка снега во дворе института.

В Герценовском госпитале

(Продолжение. Начало на стр. 1)

пор, пока не поспеет “баланда”. Было как раз 12 часов, и мы здесь же поздравили всех с Новым годом, пожелали друг другу скорой победы. И хотя поднимали мы не бокалы, а всего лишь наши баночки и чашки с сдой, но это было ничего: мы все равно пели песню, пели назло врагам! Но никого не покидало желание дожить до победы, помочь добыть эту победу своими усилиями

...Напряжениe в работе было поистине сверхчеловеческое, но люди жили таким высоким чувством долга и сознанием ответственности перед Ленинградом и Родиной, что о голоде и холоде старались не говорить. Так было со всеми. У нас установился порядок: в палату к раненым

входить только с улыбкой, ничем не выдавать своей усталости и слабости.

...Январь 1942 года – самый голодный, самый страшный период блокады. Надо было стирать большое количество белья, а фабрика стала из-за отсутствия электричества. И тогда стиркой

заялась молодежь. В госпитале замерзли трубы, вода не шла. И семь наших девушек под руководством комиссара Тарасова ходили к Неве при морозе около 30 градусов и возили воду на санях. Мучительный путь пришлось проделывать 11 раз. В пищеблоке стоял боляр (это вроде огромной цистерны), куда вливали воду. Воды было мало, добавляли растопленный снег. Люди получали по полкружки воды в день.

Лица у многих санитарок отекали, глаза стали еле видны. Ноги не влезали в валенки, а ведь за супом из хляпы надо было долго стоять в очереди...

Э.Золотницкая

На снимке: во время уборки урожая турнепса во дворе института в 1942 г.